Сиверцев Евгений Юрьевич

ФИЗИЧЕСКОЕ БЕССМЕРТИЕ И ПРОБЛЕМА САМОСОЗНАНИЯ

В обществе, мировоззрение которого определяет религия, бессмертие обеспечивается трансцендентной сущностью. Секулярное общество подвержено страху смерти в гораздо более высокой степени - именно в нём начинаются поиски способов продления физической жизни. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что смерть известна нам лишь феноменальным образом. Однако переживаемое человеком чувство конечности - неискоренимо, ибо даёт человеку возможность переживания свободы, которое, в свою очередь, обеспечивает возможность саморефлексии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-2/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 2. С. 138-142. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Кривцун О.** Рецензия на монографию: Крючкова В. А. Мимесис в эпоху абстракции: образы реальности в искусстве второй парижской школы. М.: Прогресс-Традиция, 2010 [Электронный ресурс] // Искусствознание. 2012. № 1-2. С. 657-663. URL: http://sias.ru/publications/magazines/art/?ELEMENT_ID=1559 (дата обращения: 16.11.2015).
5. **Мифы народов мира** / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 2008. 1147 с.
6. **Орлов Г.** Древо музыки. СПб.: Композитор, 2005. 440 с.
7. **Emmerson S.** The Relation of Language to Materials // The Language of Electroacoustic Music / ed. by S. Emmerson. N. Y.: Harwood Academic Publishers, 1986. P. 17-39.
8. **Klepko J.** Effects of Effects: Exploring the Message behind the Use of Echoes on Vocals // Practising Popular Music: The 12th Biennial Conference of the International Association for the Study of Popular Music (IASPM). Montreal, 2003. P. 472-477.
9. **Weiss A.** Varieties of Audio Mimesis: Musical Evocations of Landscape. Berlin: Errant Bodies Press, 2007. 109 p.

MIMESIS OF SPACE IN TECHNOLOGIES OF MUSICAL SOUND RECORDING

Sibiryakov Vasilii Nikolaevich
Lomonosov Moscow State University
v.n.sibiryakov@ya.ru

The article is devoted to the analysis of the esthetic category of mimesis by the example of spatiality in sound recording. The author follows the manifestation of mimesis in such techniques of sound processing as artificial reverberation and echo creating conditions for the idealization of acoustic space. Special attention is paid to the semantic meaning and esthetic potential of spatial sound effects in the categories of time and memory. Their mimetic nature is revealed through mythology that points at irrational basis in music.

Key words and phrases: esthetics of sound recording; mimesis; spatial sound effects; audio engineering; musical art.

УДК 130.11
Философские науки

В обществе, мировоззрение которого определяет религия, бессмертие обеспечивается трансцендентной сущностью. Секулярное общество подвержено страху смерти в гораздо более высокой степени – именно в нём начинаются поиски способов продления физической жизни. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что смерть известна нам лишь феноменальным образом. Однако переживаемое человеком чувство конечности – неискоренимо, ибо даёт человеку возможность переживания свободы, которое, в свою очередь, обеспечивает возможность саморефлексии.

Ключевые слова и фразы: человек; смерть; жизнь; свобода; выбор; конечность; бесконечность; ценность; «ген старения»; «шкала приоритетов».

Сиверцев Евгений Юрьевич, к. филос. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Emden1914@mail.ru

ФИЗИЧЕСКОЕ БЕССМЕРТИЕ И ПРОБЛЕМА САМОСОЗНАНИЯ

Надежда на бессмертие: от веры к науке.

Ни один нормальный человек не хочет умирать. Это нормально. Ненормально обратное – желание укорачивания собственной жизни. Во все времена находились пытливые умы, желающие понять тайну физического существования и – соответственно – это существование продлить. Средневековые алхимики искали «магистериум» (философский камень) с помощью которого можно не только превращать металлы в золото, но и продлевать человеческую жизнь до бесконечности. Китайский император Цинь Ши Хуанди (259-210 до н.э.) дважды отправлял экспедиции на поиски «эликсира молодости», в существование которого (в каких-то очень далёких странах) он свято верил.

Но вот что интересно: во времена, когда доминирующим мировоззрением было мировоззрение религиозное, человечество не проявляло особой активности в поисках физического бессмертия. И действительно: зачем? Смертно лишь тело человека, душа же его тлению не подвластна. Душа бессмертна, и это бессмертие даровано ей самим Создателем. Человеку нужно обретать не бессмертие (оно *уже* есть), а истинную жизнь, которая гарантирует ему вечное существование в совсем ином, нефизическом пространстве.

«Ныне времена иные!». Современное мировоззрение можно охарактеризовать словами Ф. Ницше «Бог умер». Общество стало секулярным. Причём даже не столько внешне (храмы действуют, религиозная литература издаётся), сколько внутренне: не уверен современный человек в полной и абсолютной поддержке его жизни трансцендентными сущностями, да и в существовании их сомневается. Следствий подобной десакрализации мира много, одно из них – резкое возрастание интереса к проблеме физического старения, физической жизни и физической смерти.

В 1985 г. рождается наука, получившая название «иммортология» (от лат. *im* / «без», *mors*, *mortis* / «смерть»). Сам данный термин введён российским учёным И. В. Вишевым.

Наибольших успехов иммортология добилась в своём биологическом сегменте. Главным результатом считается открытие так называемого «гена старения». Первенство этого открытия оспаривают многие научные школы, но наиболее известны достижения японских и китайских учёных. В 2012 г. обнаружена связь между одним из белков системы комплемента человека и процессом старения. Тут же была найдена возможность корректировать его так, что практически полностью останавливается процесс старения клеток в человеческом организме.

Биологи Пекинского университета дали обнаруженному гену старения ныне закрепившееся название – «P-16». Как и их японские коллеги, китайские учёные обнаружили прямую связь этого гена с процессом старения и пришли к выводу, что для того, чтобы сделать клетки бессмертными, в них нужно заблокировать ген «P-16».

В этих направлениях уже ведутся и экспериментальные исследования. На мышах и червях. О конкретных результатах мы здесь не говорим, скажем лишь, что они вполне обнадёживающи. А вот является ли обнадёживающей сама перспектива обретения человеком бессмертия здесь, на этой Земле, в физическом мире? Данный вопрос требует отдельного серьёзного разговора.

Биологическая (телесная) жизнь человека, осуществляемая в физическом мире, не может продолжаться вечно – это один из немногих тезисов, не вызывающий ни малейшего сомнения. Также не вызывает ни малейшего сомнения то, что биологическая смерть – самое трагическое событие из всех тех, что человека ожидают. Из данных соображений вроде как сам собою вытекает вывод: продление биологической жизни человека до бесконечности делает его *абсолютно счастливым.* Попробуем разобраться – так ли это на самом деле.

Смерть и самосознание. Сначала обратимся к вопросу о природе смерти. Что это, собственно, такое? Те ответы, которые на данный вопрос дают различные религиозные конфессии, мы пока оставляем за рамками наших поисков – сейчас сосредоточимся на традиционном материализме. Эта доктрина утверждает, что биологическая смерть прекращает абсолютно все процессы, идущие в человеке: как физические, так и ментальные: умер человек – у него перестало сокращаться сердце, перестали перерабатывать воздух лёгкие, перестал производить мысль мозг, исчезло самосознание – т.е., чувство собственного «Я». Обратим внимание на следующее: материализм позиционирует себя именно как *научно обоснованный.* В науке основой знания считаются *эмпирические факты* – т.е. некие обстоятельства, бытие которых доказано почти до степени полной несомненности. Достаточно ли имеющихся фактов для того, чтобы утверждать, что смерть – есть полное прекращение человеческого существования? Здесь даже в физическом плане есть сомнения, а если говорить о ментальном… Никто до сих пор не доказал, что субстратом мышления является мозг – более того, наука начинает всё более сомневаться в том, что содержательная сторона мысли вырабатывается серыми клетками мозгового вещества. Почему же гибель мозга считается гибелью индивидуального мышления? Причины подобного утверждения, как нам представляется, раскрываются отнюдь не наукой. И тут мы переходим ко второму вопросу: что есть жизнь.

Автор не претендует на раскрытие природы жизни – над этой проблемой лучшие умы человечества бьются много тысяч лет. Мы поразмышляем над гораздо более узкой темой – что даёт человеку возможность ощущать себя самим собою, т.е. чем обеспечивается в человеке наличие самосознания или – что то же самое – саморефлексии? Ответ поищем вместе с такими мэтрами европейской мысли, как Сёрен Кьеркегор, Карл Ясперс, Мартин Хайдеггер (список далеко не полон). Во многом расходясь, перечисленные авторы сходятся в одном: самосознание есть результат осознания человеком собственной индивидуальной *свободы*: «…величайшее открытие Кьеркегора – человек узнаёт возможность свободы – причём <…> как своей фундаментальной сущности» [7, S. 233]. Только понимая, что в данный конкретный момент *я* могу действовать не одним вариантом, а несколькими, – как минимум двумя, – *я* понимаю, что *я* – это *я*. Иными словами: я ощущаю своё собственное «Я», переживаю себя именно как *себя*, а не кого-то иного, тем более – переживаю себя *не* как *часть* остального мира, исключительно переживая чувство *свободы*. «Чудовищность, которая предоставлена человеку – есть <…> свобода» [Ibidem, S. 234].

Отметим важное обстоятельство: реальное (фактичное) наличие свободы и индивидуальное *переживание* свободы – это отнюдь не одно и то же. Фактичная свобода (политическая, гражданская, физическая) может быть, а может и не быть. Переживаемая же свобода есть *всегда*. Даже будучи скован по ногам и рукам, человек не лишён свободы мысли и свободы хотя бы миллиметровых движений внутри оков. Если человека лишить *фактической* свободы, он человеком быть не перестанет, если же человеку предоставить неограниченную фактическую свободу, но при этом лишить человека свободы *переживаемой*, он тут же потеряет свою человеческую сущность.

Итак – первый промежуточный вывод, к которому мы приходим: человек ощущает себя как *себя*, понимает себя как *себя*, определяет смысл и значение местоимения «Я» только лишь переживая чувство свободы. И тогда возникает третий вопрос, – при каких условиях свобода может переживаться, а при каких – нет?

Определений свободы существует огромное количество. Есть ли в них что-либо общее? Не ошибёмся, если скажем, что общее во всех определениях свободы – это её связь с *выбором*. Человек существует «выбирая свои возможности» [4, S. 326], т.е. человек только тогда ощущает себя свободным, когда он имеет возможность *выбирать* – если возможность выбора отсутствует, то и свободы никакой нет.

Теперь различим два феномена: *физическая* (наличная, вещественная) *возможность* выбирать, предоставляемая внешними обстоятельствами и *чувство* выбора, имеющееся в менталитете каждого человека. Что из них *первично*, а что *вторично?* Эмпиризм заявит, что первична *физическая возможность* выбора, которая

отражается в менталитете. В таком случае немедленно возникает затруднение следующего плана: а как человек *распознаёт* себя как находящегося в ситуации выбора? Никаких наглядных референтов слову «выбор» в эмпирической реальности мы не найдём (этим «выбор» похож на «истину», «благо», «число» и т.п., этим же он отличается от «дерева», «реки», «велосипеда»). Данное затруднение – как и многие другие, делающие сомнительной эмпиристскую доктрину – предлагают нам остановиться на второй трактовке выбора – *чувство* выбора первично по отношению к конкретной ситуации выбора, предоставляемой внешним (эмпирическим) миром. Т.е. не обстоятельства внешнего мира, позволяющие что-либо выбирать, дают человеку чувство выбора, а наоборот – уже имеющееся чувство выбора позволяет истолковывать обстоятельства как предоставляющие возможность выбора. Это значит, что человек *всегда* мыслит себя, переживает себя, чувствует себя как находящегося в ситуации выбора. Именно пребывание в ситуации выбора даёт человеку возможность переживать свободу, а переживание свободы даёт возможность человеку переживать *себя* как *себя*.

Чувство выбора первично по отношению к самому выбору – сказали мы. Неизбежен вопрос: чем поддерживается чувство выбора, что заставляет чувство выбора быть постоянно действующим, «бодрствующим»? Ответ очевиден: наличие разнообразных обстоятельств, знание как минимум нескольких вариантов действия в данной ситуации или нескольких вариантов её самостоятельного развития. Подчеркнём: не обстоятельства и варианты здесь первичны, а наоборот – *знание* о них: обстоятельства могут быть любые, лишь бы они были. А уж человек выстроит их в схему приоритетов выбора. Сколько вариантов действия или развития ситуации может быть? Здесь возможны лишь два ответа: вариантов может быть *конечное* число или число *бесконечное*.

Разберём сначала последний: человек предполагает, что его ожидает бесконечное количество вариантов развития определённой ситуации. Все они *обязательно* и *непременно* случатся. Например: я обязательно когда-нибудь поступлю в избранный мною вуз на интересующую меня специальность. Я обязательно буду вести тот образ жизни, который мне нравится: созерцательный, творческий, финансово пресыщенный *etc* – или все вместе взятые. Если я испытываю симпатию к какому-либо человеку – он непременно ответит тем же. Примеры можно продолжать, но для выведения алгоритма и сказанного достаточно: всё, что я затеял, мне с необходимостью *предстоит*. Это предстоящее случится независимо от того, приложу я какие-либо усилия или же нет. К чему ведёт такая бесконечность? Ведёт к тому, что человек полностью лишается возможности переживать выбор! А как этот выбор пережить, если предстоит абсолютно *всё*? Здесь возможно возражение: *всё* оно, конечно, *всё* но ведь не одновременно же? Сейчас я поступаю в один вуз и не поступаю в другой, веду один образ жизни и не веду другой, дружу с одной компанией и не дружу со всеми остальными. Но: данное возражение исходит из того, что у человека *apriori* присутствует чувство времени. Разве это доказано? Нет, чувство времени действительно присутствует, но откуда оно появилось? И может ли оно присутствовать у человека, которому предстоит *абсолютно всё*? Сейчас мы не будем затягивать повествование и доказывать, что *всё* предстоящее предстоит *одновременно* – это станет темой отдельного исследования. Пока остановимся на предварительном выводе: человек, которому предстоит абсолютно *всё*, возможности выбора абсолютно *лишён*.

Из вывода следует вопрос: значит ли сказанное, что ни один нормальный человек не мыслит себя предстоящим *абсолютно всему*, а вариантов действия или развития ситуации может быть только *конечное* число? И да, и нет. Физических вариантов развития ситуации может быть сколь угодно много, вплоть до бесконечности. Но мыслить себя можно лишь предстоящим *конечному* числу вариантов. Почему? Ответ следует из уже сказанного: только конечное число вариантов действия (развития ситуации) даёт возможность выбирать. Причина здесь такова. Любой выбор есть не только принятие одного варианта действия, но ещё и – с необходимостью – *отвержение* всех остальных вариантов. Без *отвержения* выбор невозможен. И действительно: если я выбираю учёбу в одном вузе, я отвергаю все остальные. Если в очередной отпуск я выбираю поездку в Кострому, я отвергаю путешествие в Рязань, Тотьму, Париж, Сан-Франциско и вообще во все оставшиеся точки Земли. И только это отвержение – в первом случае остальных вузов, во втором – остальных городов делает выбор выбором, а не переложением всех отвергнутых возможностей на депонент.

Легко догадаться, какое условие должно быть соблюдено, чтобы *отвержение* могло происходить и переживаться как таковое. Этим условием является уверенность в том, что биологическая жизнь, телесная жизнь, осуществляющаяся в условиях физической, законосообразной природы, имеет свой предел. Вот нам и объяснение парадокса страха смерти: если человек будет считать, что он физически, телесно бесконечен, он лишится чувства возможности выбора. Повторимся – как там обстоит дело с эмпирической возможностью выбора – в данном случае не важно. Важно *чувство*, *переживание* выбора. А переживание выбора даётся только и исключительно переживанием своей *конечности*, или смерти, которая есть «полная невозможность всех возможностей» [Ibidem, S. 76].

Резюмируем сказанное следующим образом. Чтобы человеку быть подлинно человеком, переживать себя как «Я», чувствовать себя самим собою, понимать значение местоимения «Я» – одним словом, жить и знать что живёшь и живёшь своей осмысленной жизнью – человеку нужно переживать чувство *свободы*. Без чувства свободы человек и не «Я», и вообще не человек – а только лишённый самосознания элемент природы. Переживание чувства свободы даётся лишь переживанием чувства *выбора* – лишь выбирающий человек может ощущать свою свободу. Выбор является выбором при соблюдении одного, но очень важного условия: должна существовать возможность *абсолютного* отказа от *невыбранного*, т.е. человек должен знать, что невыбранное не вернётся *никогда* (чисто бытовую ситуацию, когда хочется одновременно и одного, и другого и третьего мы оставляем за рамками наших рассуждений как не относящуюся к сфере теоретического анализа).

Таким образом, событие смерти не является чем-то эмпирически исследованным и научно объяснённым. Ни о какой физической смерти вообще говорить нельзя – любой способный к мышлению материалист согласится с данным тезисом. «Когда о человеке говорят как о смертном существе – как это следует понимать: как констатацию факта или как вопрос?» [5, S. 111].

Итак: физическая смерть сомнительна. Что несомненно? Несомненно, *чувство* смерти, *переживание* смерти (физической, разумеется), необходимо человеку для того – и это трагический парадокс нашего существования – чтобы жить. Жить именно в человеческом облике. От смерти – как когда-то заметил Ясперс – «…нельзя уклониться, её силу никто из нас не может преодолеть. Когда нам становится ясно, что в каждое мгновение мы можем умереть, мы должны себя спросить: является ли существенным то, что мы делаем или желаем (*то, что отвлекает нас от собственной человеческой сущности – прим. автора – Е. С.*)?» [6, S. 424].

Для иллюстрирования сказанного выше позволим себе немного пофантазировать. Попытаемся проникнуть в ментальный мир человека, уверенного в том, что его биологическая жизнь в земных условиях бесконечна. Уточним, что бесконечность не только и не столько *количественная* («дурная» по определению Гегеля), сколько *качественная* (см.: [2, с. 232-235]), т.е. в ней присутствует (а, следовательно, и ожидается) абсолютно всё, без всяких исключений. Впрочем, никакой иной бесконечности, кроме как качественной, существовать и не может – количественная бесконечность – это лишь верчение по кругу.

Чего ожидает человек, собирающийся жить бесконечно? *ВСЕГО!* Он ожидает, что с ним произойдёт абсолютно всё. Всё то, что может сконструировать самая буйная фантазия плюс то, на что никакая фантазия не способна. Причём ожидает это *всё* прямо сейчас (соотношение чувства времени и чувства бесконечности – как мы сказали – тема отдельная и сейчас нами не рассматривается). Есть у «бесконечного человека» возможность *выбирать*? Ответ очевиден: из *всего* не выбирают. Есть у «бесконечного человека» ощущение *свободы*? Ответ так же очевиден: какая свобода без выбора? В итоге: есть ли «бесконечный человек» *человек* по своей сути? Ответ, к сожалению, отрицательный: утратив чувство предстояния физической смерти, человек утрачивает сам себя.

Тезис, упомянутый нами в самом начале, оказывается в высшей степени сомнительным. Звучал тезис так: «продление биологической жизни человека до бесконечности делает его *абсолютно счастливым*».

Смерть и этос. Обратим внимание на ещё один аспект обсуждаемой проблемы – *этический.* Само слово «этика» происходит от древнегреческого «ἦθος» / нрав, обычай, поведение. Разумеется, речь идёт о поведении человека по отношению к другому человеку. Разбор этических доктрин не входит в задачу данной работы, заметим лишь, что, по мнению авторов, вершиной европейской этической мысли в её «рецептурном» плане является «категорический императив», предложенный И. Кантом в его работе «Метафизика нравов». Формулируется он следующим образом: «…*поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом*» [1, с. 159]. В основе сформулированной Кантом мысли лежит следующее соображение: этическая ситуация – это ситуация, во-первых, отношения с другим человеком, а во-вторых, – ситуация выбора.

Возвращаемся к человеку, который собирается жить вечно в биологическом теле в физической природе. С каким количеством *других* людей ему предстоит общение? С бесконечным! В какое количество ситуаций этического выбора он попадёт с каждым их этих людей? В бесконечное!

Вопрос первый: имеет ли подобный субъект отношения именно с людьми? Вряд ли – он имеет отношения с безликой биомассой, поделённой на бесконечное число фрагментов. Ни один из этих фрагментов не может вызывать никаких эмоциональных переживаний.

Вопрос второй: может ли наш «бесконечный субъект» попасть в ситуацию этического выбора? Ответ здесь безусловно отрицательный. Ситуаций отношения с каждым из *других* людей будет бесконечное множество, как в количественном, так и в качественном смысле. Надо ли каждую из них осмысливать с точки зрения «категорического императива»? Зачем? У меня, полагает «бесконечный субъект», будет бессчётное количество пересечений с г-ном (госпожой) *NN*. Значит, могу всякий раз поступать с ним как угодно, не утруждая себя моральными рефлексиями. Встреч с *NN* впереди неограниченно, всегда разберусь с любой некорректностью, случившейся ранее. В бесконечной жизни нет места ни раскаянию, ни покаянию.

Вопрос третий: что будет представлять собою общество, состоящее из людей, собирающихся жить вечно? Здесь ответ настолько очевиден, что его можно и не формулировать.

Резюмировать сказанное можно следующим образом: осуществлять полноценную, осмысленную жизнь, переживать себя как себя и переживать других людей как равных тебе (т.е. быть достойным человеческого общества) может только индивид, уверенный в конечности своего физического существования. Уверенность в абсолютном физическом бессмертии таит в себе опасность утраты самосознания и – в конечном итоге – утраты всех свойств человеческой личности.

Список литературы

1. **Антология мировой философии**: в 4-х т. / ред. коллегия: В. В. Соколов и др. М.: Мысль, 1971. Т. 3. 760 с.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Энциклопедия философских наук: в 2-х т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 452 с.
3. **Философский словарь** / общ. ред. И. Т. Фролов. М.: Республика, 2001. 719 с.
4. **Heidegger M.** Sein und Zeit. Tübingen, 1957. 437 S.
5. **Luyten N. A.** Der Mensch als wesentlich sterbliches Wesen in philosophischer Sicht // Tod – Preis des Lebens? Freiburg – München, 1980. S. 111-139.
6. **Poller H.** Die Philosophen und ihre Kerngedanken. München, 2010. 576 S.
7. **Weischedel W.** Die philosophische Hintertreppe. München, 1991. 302 S.

PHYSICAL IMMORTALITY AND PROBLEM OF SELF-CONSCIOUSNESS

Sivertsev Evgenii Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg University
Emden1914@mail.ru

In the society, which worldview is determined by religion, immortality is provided by transcendental entity. Secular society is subject to the fear of death to a much greater degree – it is the society, in which the search for the ways of the prolongation of physical life begins. The author draws attention to the fact that death is known to us only in a phenomenal way. However, the feeling of finiteness experienced by a man is ineradicable, because it allows a person to experience freedom that, in turn, provides the possibility of self-reflection.

Key words and phrases: man; death; life; freedom; choice; finiteness; infinity; value; “aging gene”; “scale of priorities”.

УДК 321(091); 34(091)+342.597+35.086
Исторические науки и археология

Статья посвящена компаративному анализу нормативных и правоприменительных аспектов предотвращения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе. Выявляя пробелы в законодательстве и конкуренцию норм, автор статьи предлагает сместить акценты квалификации конфликта интересов и вместо субъективных критериев уделять бóльшее внимание объективным, характеризуемым как потенциально компрометирующая ситуация.

Ключевые слова и фразы: коррупция; конфликт интересов; коррупционное правонарушение; государственная служба; клиентелизм; юридическая техника.

Симашенков Павел Дмитриевич, к.и.н.
Институт государственной и муниципальной службы Международного института рынка
pavel.simashenckov@yandex.ru

О КОНФЛИКТЕ ИНТЕРЕСОВ – В КОМПАРАТИВНОМ КЛЮЧЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ПРАКТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ

Отечественная антикоррупционная парадигма проходит непростой период становления, когда жизненно важно определиться с приоритетами и координатами [1, с. 84]. В качестве последних вот уже восьмой год выступают заокеанские наработки и рекомендации, вследствие чего власть, по нашему мнению, более озабочена местом России в международном рейтинге *Transparency Int*., нежели приведением действующего законодательства в соответствие с удручающей реальностью. Ярчайший пример такого когнитивного диссонанса – правовой институт конфликта интересов. Следует заметить, что и поныне наиболее веским аргументом многих думских законотворцев-инноваторов в антикоррупционной риторике является апелляция к импортным наработкам («но вот в США же действует, но в Германии ведь работает и т.п.»). Сравнение зарубежного опыта с отечественной спецификой его внедрения показывает: относительно высокая эффективность введения в юридический оборот понятия конфликта интересов достигается не путем ужесточения санкций [7, с. 97], а скорее за счет действия квазиюридических норм, органично совмещающих в себе правовые ограничения и этические запреты. Зарубежные страны не чуждаются и расследований в случаях публичного подозрения, когда поведение чиновников становится особенно одиозным. В основе импортной модели противодействия конфликту интересов – юридический факт, свершившийся и потому вполне годный для анализа и квалификации. Отечественная теория и практика «предотвращения и урегулирования» конфликта интересов, несмотря на использование зарубежной терминологии, едва ли противоположна ей по смыслу, ибо акцентируется не на объективных («поиск интересов», «принятие выгоды»), а на субъективных признаках конфликтной ситуации [4, с. 68].

Рассмотрим эволюцию нормативного закрепления этого понятия в отечественном законодательстве. Согласно ст. 10 ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. 2008 г.), базис конфликта – личная заинтересованность государственных и муниципальных служащих – мыслится исключительно в рациональном, материальном плане (доходы в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иные имущественные права). Но сама возможность их (не)получения – вопрос иррациональный, даже гадательный. Получается, потенциальный нарушитель должен письменно уведомить непосредственного начальника о противоречии, будоражащем его воображение: сможет он получить выгоду, насколько она гарантирована и т.п.? Логика закона позволяет считать письменное «покаяние» некоей гарантией снятия (или освобождения от) ответственности, предусмотренной за коррупционные правонарушения: «прошу отстранить меня от выполнения должностных обязанностей, ибо меня терзает искушение, и за последствия я не отвечаю». В ситуации «покаяния» инициатива по урегулированию конфликта автоматически переходит к начальнику, который волен отстранять или вовсе устранять подчиненных, утративших доверие (начальника? государства? представителя нанимателя или кого-либо еще – закон не уточняет). Значит, для увольнения неугодного, но мнительно-законотрепещущего сотрудника достаточно констатации последним его когнитивного диссонанса – российской версии конфликта интересов [Там же, с. 69].